

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETRÒGRAD

Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій
1858—1918.

Попытка характеристики дѣятельности ученаго.

(Читано академикомъ С. Ө. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года)*.

В. А. Жуковскій скоропостижно скончался 4 января 1918 года; несомнѣнно, что причиной его безвременной кончины было то грубое, ничѣмъ не оправдываемое насилие, которому заслуженный ученый подвергся за отказъ признать законность произвола. Его отказъ былъ простой и скромный, онъ поступилъ, какъ поступалъ всегда: не тратя лишнихъ словъ, онъ ушелъ, вернулся къ работѣ и съ радостью принялся за прерванные труды. Но сердце, непомерно напряженное, какъ то бываетъ у людей замкнутыхъ и молчаливыхъ, переживающихъ самое тяжелое и трудное внутри себя, не выдержало, и работа его вновь прервалась — теперь уже навсегда.

Валентинъ Алексѣевичъ родился въ Воронежѣ 23 апрѣля 1858 года. Жизнь его была простая—несложная, небогатая внѣшними событіями жизни ученаго. Сперва частная гимназія Фр. Креймана въ Москвѣ, затѣмъ казенная гимназія въ Воронежѣ, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1876 г., университетъ — Факультетъ Восточныхъ Языковъ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду, курсъ онъ окончилъ кандидатомъ въ 1880 г., оставленіе при Университетѣ для подготовки къ профессурѣ, защита диссертациі на степень магистра въ 1883 году, въ томъ же году отъѣздъ въ Персію, гдѣ онъ пробылъ три года, защита докторской диссертациі въ 1888 г., чтеніе лекцій въ Университетѣ съ 1886 г. по самую смерть: еще въ день смерти онъ телеграфировалъ декану, что только отсутствіе трамвая мѣшаетъ ему

* Читано въ краткомъ видѣ и потомъ переработано.

прибыть на лекцію. Ученныя командировки въ Закаспійскій край и въ Персію, въ 1896 и 1899 гг., завѣдываніе Учебнымъ Отдѣленіемъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ съ 1905 г., секретарство, съ 1892—1902 гг., а затѣмъ деканство, съ 1902—1911 гг. на Факультетѣ Восточныхъ Языковъ — вотъ и вся несложная внѣшняя канва жизни В. А. Жуковского, богатой внутреннимъ содержаніемъ, полное представленіе о которомъ могли имѣть лишь очень немногіе: чрезвычайно выдержанный и сдержанный Валентинъ Алексѣевичъ не любилъ дѣлиться своими мыслями и переживаніями, и эта замкнутость и даже нѣкоторая суровая внѣшность скрывали часто отъ постороннихъ и глубокія чувства и искреннее доброжелательство и тяжелыя душевныя переживанія. Смерть любимаго учителя барона В. Р. Розена наложила еще особую печать молчанія на Валентина Алексѣевича, котораго мало кто зналъ сколько-нибудь близко и о прекрасной, прямой и искренней душѣ котораго можно было лишь догадываться по отдѣльнымъ поступкамъ и словамъ.

Такіе люди, какъ Валентинъ Алексѣевичъ стоятъ обыкновенно особнякомъ въ нашей экспансивной, мягущейся жизни; ихъ отличительныя черты — крайняя добросовѣстность и необыкновенно развитое чувство долга — остаются часто непонятными окружающимъ, и только въ исключительныя минуты или тогда, когда они уходятъ изъ жизни, эти люди встрѣчаютъ справедливую оцѣнку при подведеніи итога ихъ жизненной работѣ. Имъ трудно выйти за стѣны ихъ глубоко замкнутаго я, ибо свои чувства всякій человѣкъ переноситъ невольно на другого и всегда кажется, что и другой въ сущности также замкнутъ, и идти къ нему, за ограду его я, не хорошо. Этимъ можетъ быть объясняется и то, что у Валентина Алексѣевича, какъ и у многихъ русскихъ ученыхъ было мало учениковъ: учительство требуетъ извѣстной экспансивности, извѣстной властности, навязывающей, хотя бы въ самой культурной формѣ, свое я другому, рѣшимости брать на себя инициативу людскихъ отношеній, житейски говоря, идти когда не зовутъ. Для людей замкнутыхъ это невозможно, и они идутъ своимъ одиночнымъ путемъ, лишь изрѣдка и мелькомъ соприкасаясь съ другими. Чрезвычайно ярко говоритъ намъ о характерѣ человѣка его почеркъ, и въ этомъ отношеніи необыкновенно отчетливый, ясный, закругленно-замкнутый почеркъ Валентина Алексѣевича былъ особенно краснорѣчивъ, онъ вполне характеризовалъ писавшаго имъ: ясность и отчетливость мысли, отвращеніе отъ туманныхъ или неопредѣленныхъ общихъ построеній или гипотезъ, большая фактичность, отмежеваніе определенной, закругленной области, большая ровность и методичность въ работѣ, непремѣнно въ намѣченной области.

Что побудило Жуковского посвятить себя Востоку, я не знаю, но думаю найти косвенное указание на это въ выборѣ имъ девиза при представлении медальнаго сочиненія въ университетѣ. Чрезвычайно характеренъ этотъ девизъ, выбранный В. А., онъ взятъ изъ арабскаго трактата о кофѣ и данъ въ французскомъ переводѣ: «Combien n'y a-t-il pas de choses, qui après avoir été en usage dans les siècles passés et être tombées dans l'oubli, ont ensuite paru de nouveau! Et cependant ceux qui les ont vu commencer alors, les ont prises pour une nouveauté et ont cru qu'elles n'avaient jamais eu lieu avant eux». Здѣсь чувствуется настроеніе и мысль, хорошо знакомая востоковѣдамъ, которые постоянно убѣждаются въ томъ, что многое открываемое Западомъ давно было извѣстно Востоку. И мнѣ кажется, что эта сторона восточной жизни и науки привлекла Жуковского: въ немъ былъ живъ интересъ къ этимъ предвосхищеннымъ Востокомъ достиженіямъ Запада, онъ чувствовалъ, что на Востокѣ корни многого такого, что составляетъ красу западной цивилизаціи, и пайти эти корни представлялось заманчивымъ молодому востоковѣду.

Научная дѣятельность В. А. Жуковского сосредоточилась на Персін: онъ не разбрасывался, какъ это особенно часто склонны дѣлать русскіе ученые. Работы его распредѣляются по слѣдующимъ группамъ: персидскій языкъ и персидскія нарѣчія, персидская литература, этнографія Персін, исторія и археологія и совсѣмъ особнякомъ суфизмъ. Число работъ не особенно велико, но всѣ онѣ — и значительная часть изъ нихъ крупныя — тщательно обработаны и отдѣланы: онъ не признавалъ предварительныхъ изданій и предпочиталъ надолго задержать работу, чѣмъ выпустить ее въ свѣтъ недодѣланной.

Новоперсидскому онъ посвятилъ, сотрудничая своему учителю К. Г. Залеману, превосходную грамматику, которая по просьбѣ издателя была включена въ извѣстную серію «Porta linguarum orientalium»¹. Книга эта, первоначально изданная по нѣмецки, затѣмъ была переработана по русски², при чемъ особое вниманіе было удѣлено живому персидскому языку. Грамматика Залемана-Жуковского справедливо считается одною изъ лучшихъ, если не лучшею изъ существующихъ грамматикъ новоперсидскаго языка. Русскій ея текстъ безспорно можетъ считаться лучшею персидскою

¹ «Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar». PLO XII. Berlin 1889. Она вызвала рядъ сочувственныхъ рецензій: W. Geiger DLZ 11, B. M. RCr 17. 322 sqq., H. Ethé LC 30, M. Grünert OLC 9, 102. G. Jacob GGA 11. 430—432.

² «Краткая грамматика ново-персидскаго языка съ приложеніемъ метрики и бібліографіи». Санктъ-Петербургъ. 1890.

Изданіе П. А. И. 1918.

грамматикою на русскомъ языкѣ, несмотря на то, что ихъ насчитывается во всякомъ случаѣ не менѣе 13, начиная съ грамматики А. Болдырева въ 1826 году. Написана она, какъ все, что писали и К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковскій, чрезвычайно сжато, безъ лишнихъ словъ, по вполне ясно и опредѣленно. Къ персидской грамматикѣ относятся еще одна небольшая замѣтка¹.

Интересъ къ работамъ по языку только постепенно развился у Валентина Алексѣевича: постановка преподаванія на Факультетѣ Восточныхъ языковъ мало способствовала образованію лингвистовъ въ то время, когда В. А. Жуковскій былъ студентомъ. Идѣйственно, его замѣчанія о языкѣ въ его книгѣ объ Энвери чрезвычайно кратки и сопровождаются признаніемъ, что онъ не считаетъ себя обладающимъ «необходимымъ при такихъ изысканіяхъ тонкимъ чутьемъ лингвиста»². Недаромъ рецензентъ³ дѣлаетъ ему упрекъ въ отрывочности его замѣчаній о языкѣ поэта, прибавляя: «Въ персидскомъ языкѣ, благодаря простотѣ и немногочисленности грамматическихъ формъ, фразеологія и лексическая сторона требуютъ всесторонняго изученія, которое пока еще только что начато истинно научнымъ образомъ. Поэтому всякому издателю новыхъ персидскихъ текстовъ надлежитъ представлять своимъ сотрудникамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сводъ результатовъ филологическаго изученія этихъ текстовъ, въ видѣ хотя бы скромнаго *index verborum*».... Указанная только что грамматика и работы по нарѣчіямъ показываютъ, что Валентинъ Алексѣевичъ по мѣрѣ изученія персидской литературы все болѣе пріобрѣталъ интересъ и къ языку, хотя и съ всегдашней своей скромностью, а отчасти и въ связи съ личными склонностями въ сторону литературы, подчеркивалъ то, что онъ не лингвистъ. Такъ, говоря въ интересномъ и богатомъ фактами предисловіи къ «Матеріаламъ для изученія персидскихъ нарѣчій» о грамматической части «Матеріаловъ», Валентинъ Алексѣевичъ прибавляетъ: «мое полнѣйшее незнакомство съ первоисточниками новоперсидскаго языка лишило меня пріятной возможности разработать этотъ отдѣлъ подробнѣе и основательнѣе вообще и коснуться въ частности ученія о звукахъ, — задача эта по силамъ настоящему иранисту». Валентинъ Алексѣевичъ подчеркиваетъ этимъ, что его главнымъ образомъ интересовала новая Персія. Нѣсколько замѣтокъ о новоперсидскомъ разгово-

¹ «Особенное значеніе глагола *داشتن* въ персидскомъ разговорномъ языкѣ». ЗВО III. 376—377.

² «Али Аухадэддинъ Энвери». СПб. 1883, стр. 98.

³ К. Залеманъ. «Рецензія на книгу объ Энвери» въ ЖМНП Ноябрь 1883, стр. 162.

номъ языкѣ есть и въ его образцахъ народной словесности¹, которыхъ мы съ точки зрѣнія этнографіи коснемся ниже. Замѣтки о языкѣ помѣщены были имъ при изданіи суфійскихъ текстовъ².

Если такимъ образомъ Валентинъ Алексѣевичъ по отношенію къ ново-персидскому языку связалъ свое имя съ одною изъ лучшихъ грамматикъ его языка, то и въ области персидскихъ нарѣчій за нимъ навсегда останется заслуга, что, слѣдуя лучшимъ традиціямъ русской иранистики, онъ въ «Матеріалахъ для изученія персидскихъ нарѣчій» далъ самый обширный и систематическій матеріалъ по цѣлому ряду нарѣчій и говоровъ, какой въ настоящее время находится въ распоряженіи иранистовъ. Не безъ горечи приходится здѣсь отмѣтить, что «Матеріалы» постигла та же судьба, какал постигла и постигаетъ столько важныхъ научныхъ начинаній и работъ въ Россіи: въ то время, какъ ученые на западѣ, благодаря болѣе культурному общему уровню, имѣютъ возможность всецѣло отдаваться научному труду, въ Россіи къ ученымъ, хоть сколько-нибудь отзывчивымъ къ нуждамъ общей культуры, предъявляется столько требованій, что ученая работа ихъ постоянно прерывается, не говоря уже о томъ, что и обезпеченіе науки и научныхъ работниковъ въ Россіи зависитъ и зависѣло отъ ряда случайностей и въ значительной мѣрѣ отъ произвола власти имущихъ, ибо сознаніе важности и необходимости науки какъ основы всякой культуры, ясно въ Россіи, увы, весьма еще немногимъ. Краснорѣчиво поэтому сравненіе двухъ датъ, отмѣчающихъ выходъ первой части «Матеріаловъ» съ одной стороны и второй и третьей съ другой, на первой стоитъ 1888 годъ, на двухъ послѣднихъ 1919-й³, при чемъ приходится съ горечью указать, что двѣ послѣднія части — изданіе посмертное: тридцатилѣтній промежутокъ между обѣими. Правда, на эти тридцать лѣтъ приходится рядъ научныхъ работъ, но главнымъ образомъ секретарство и деканство на Факультетѣ

¹ «Образцы персидскаго народнаго творчества». СПб. 1902, стр. V—IX.

² См. «Тайны Единенія съ Богомъ», стр. 7—8; «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида», стр. 5—6.

³ «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій». Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: Вонизушъ, Кохрудъ, Кешъ, Зэфрѣ. Санктпетербургъ 1888. Id. Часть вторая. Діалекты города Семнана: Сэнгисаръ, Шемерзодъ. Діалекты полосы города Исфатана: Садъ, Гизъ, Кяфронъ. Діалекты полосы города Ширазъ: Сивендъ, Абдун. Гуранскій діалектъ деревни Талахедзашъ. Нарѣчіе евреевъ города Кашана. Нарѣчіе деревни Таджришъ. Выпускъ первый: I. Тексты; II. Словарь. Пгдъ. 1919. Id. Часть третья. Нарѣчіе Бахтіаровъ Чехарленгъ и Хесфленгъ. Выпускъ первый: I. Тексты и переводы; II. Словарь. Пгдъ 1919. Ср. В. Жуковскій, «Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчійхъ». ЗВО I. 23—27. (Примѣчаніе редактора бар. В. Р. Розена, «О гуранскомъ нарѣчій», стр. 27—29). 1887 и C. Salemann. «Bericht über des Mag. V. Žukovskij, Materialien zur persischen Dialektologie». MA IX, 255—259 (1887).

Восточныхъ Языковъ и завѣдываніе Учебнымъ Отдѣленіемъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ дѣлѣ изученія персидскихъ нарѣчій русской наукѣ принадлежитъ первое мѣсто, что и было отмѣчено редакторомъ извѣстнаго «Grundriss der Iranischen Philologie проф. В. Гейгеромъ: «Ich bin mir aber auch recht wohl bewusst, dass eine Darstellung der persischen Mundarten am besten noch in St.-Petersburg hätte geschrieben werden können». Мы не касаемся при этомъ другихъ иранскихъ языковъ и нарѣчій, въ изученіи которыхъ русскимъ ученымъ тоже принадлежитъ, если не первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Если придерживаться дѣленія, принятаго В. Гейгеромъ, то матеріалы В. А. Жуковскаго относятся главнымъ образомъ къ «центральному» нарѣчію и отчасти къ «каспійскимъ» (семнанское).

Изученіе персидскихъ нарѣчій встрѣчаетъ весьма серьезное затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что литературный новоперсидскій языкъ пользуется необыкновенной распространенностью въ широкихъ массахъ населенія. «Нарѣчія наши, говоритъ В. А. Жуковскій, живутъ исключительно въ разговорѣ, и литературы на нихъ, не говоря уже про книги, даже народной — пѣсенной не существуетъ, не такъ какъ напр. у Курдовъ или въ Мазандеранѣ, гдѣ есть свой пѣвецъ Амиръ Пазевари. Деревни довольствуются персидскимъ пѣсеннымъ продуктомъ, изрѣдка коверкая его на свой ладъ, но гораздо чаще оставляя неизмѣненнымъ». Обстоятельство это чрезвычайно неблагоприятно отражается на собираніи матеріаловъ, изъ которыхъ пѣсни именно особенно цѣнны и сравнительно болѣе легки для записи, благодаря стихотворной формѣ. Изъ формъ свободного творчества остается такимъ образомъ одна сказка, особенно трудная для записи, такъ какъ не допускаетъ даже тамъ, гдѣ населеніе этому бы не противилось, употребленіе фонографа; сказка требуетъ исключительной внимательности и быстроты при записи, чтобы не мѣшать рассказчику, который при рассказѣ до извѣстной степени *творитъ* и лишь въ ограниченной мѣрѣ *посторяетъ*, какъ то напротивъ обыкновенно имѣетъ мѣсто при метрическомъ произведеніи. Запись сказокъ почти невозможна для начинающаго собирателя, особенно, когда онъ еще не можетъ вполнѣ владѣть языкомъ, нарѣчіемъ, говоромъ, на которомъ записывается.

Приходится поэтому прибѣгать къ менѣе совершенному способу собиранія памятниковъ народной рѣчи и пользоваться переводами съ литературнаго языка на нарѣчіе, что имѣетъ конечно и весьма отрицательную сторону, не въ достаточной, какъ намъ кажется, мѣрѣ въ свое время ученую

и руководившимъ молодымъ В. А. Жуковскимъ, К. Г. Залеманомъ и самимъ собирателемъ. Переводъ отражается прежде всего на синтаксической сторонѣ образцовъ языка, такъ какъ неизбѣжно вліяніе строя языка, съ котораго переводать на языкъ перевода; неизбѣжно, хотя оно и менѣе ощущается, это вліяніе и на лексическомъ составѣ и въ области фонетики. Нельзя поэтому не пожалѣть о томъ, что вопросъ о методахъ собиранія не былъ предварительно разработанъ въ полной мѣрѣ и что почти вся тяжесть выработки наиболѣе научныхъ приѣмовъ записи текстовъ легла на собирателя. Насколько однако внимательно молодой собиратель отнесся къ своей задачѣ видно изъ «Введенія» къ «Матеріаламъ», гдѣ В. А. Жуковский, указавъ на вышеотмѣченное вліяніе литературнаго языка, говоритъ: «пришлось волею неволею помириться съ отсутствіемъ оригинальныхъ текстовъ и для знакомства съ языкомъ создать ихъ. При этомъ возможенъ былъ двоякій приѣмъ: или записывать какія нибудь повѣствованія крестьянъ на ихъ языкъ, изъ обыденной ли жизни или сказки, и пр. или прибѣгнуть къ системѣ переводовъ. Первый приѣмъ оказался трудно исполнимъ вообще и неудобенъ при самомъ первоначальномъ ознакомленіи съ языкомъ: процессъ записыванія долженъ совершаться медленно, слово за словомъ, перо не поспѣваетъ за рѣчью, малѣйшій же переспросъ вызываетъ нарушеніе прежняго строя фразы, а нерѣдко и теченія мысли, — разговоръ заводится о другомъ. Тогда какъ при переводѣ избранныхъ отрывковъ съ персидскаго работа мысли и языка извѣстнаго субъекта стѣснена рамками предъявляемой ему фразы, которую спрашивающій всегда можетъ повторить въ той же самой формѣ, и навести отвѣчающаго на желаемую конструкцію, если она существуетъ въ его языкѣ.

Способъ этотъ представляетъ еще и ту выгоду, что суть діалекта, при постоянномъ сравненіи съ новоперсидскою рѣчью, воспринимается гораздо скорѣе, и, стало быть, является скорѣйшая возможность контроля. Конечно, я не настаивалъ на *дословномъ* переводѣ, потому что разговорный складъ рѣчи отличается иногда отъ литературнаго, имѣя много своеобразныхъ выраженій и оборотовъ»¹. Столь же продуманъ какъ и способъ собиранія, и планъ изданія: въ первой части находится превосходное введеніе общаго характера о персидскихъ нарѣчіяхъ, за введеніемъ текстъ образцовъ. Къ образцамъ прибавлены глоссаріи: нарѣчіе, литературный персидскій, переводъ русскій, и грамматическій очерки; изъ грамматическихъ очерковъ напечатанъ пока одинъ, относящійся къ нарѣчіямъ полосы города Кашана.

¹ «Матеріалы». I, XV.

Матеріалы обнимають нарѣчія: окрестностей Семпаша (родственный Мазандеранскому), полосы Кашана, включая и образцы языка мѣстныхъ евреевъ, полосы Исфана и полосы Ширазъ; кромѣ того рядъ бахтіарскихъ текстовъ. Въ бумагахъ Валентина Алексѣевича, еще не вполне разобранныхъ, находится, повидимому, матеріалъ по нарѣчіямъ, не вошедшій въ первые три выпуска «Матеріаловъ».

Мы привели въ самомъ началѣ указаніе Гейгера, что въ Петербургѣ надлежало написать очеркъ персидскихъ нарѣчій, при чемъ онъ, несомнѣнно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ В. А. Жуковского, а также и К. Г. Залемана, теперь мы кончимъ знаменательными словами профессора Броуна, который въ интересной статьѣ о поэзіи персидскихъ нарѣчій¹ говоритъ о работѣ В. А. Жуковского, называя ее «by far the most important contribution yet made on the subject».

По непонятной, для меня по крайней мѣрѣ, причинѣ персидская литература не вызываетъ къ себѣ длительного интереса ученыхъ: ея главные литературныя произведенія и поэты почти не изслѣдованы, большею частью даже не пзданы². Приходится, конечно, слышать, что причиною этого бѣдность и однообразіе персидской поэзіи, постоянно повторяющей тѣ же литературныя темы, живущей въ узкихъ рамкахъ тѣхъ же формъ, создающей въ безконечномъ повтореніи тѣ же образы. Врядъ ли однако дѣлающіе эти утверждения смогутъ обставить ихъ убѣдительными доказательствами: Персія обладала большимъ поэтами и литература ея знаетъ много крупныхъ произведеній, которыя несомнѣнно войдутъ въ міровую литературу, когда это понятіе для сознающихъ прекрасное перестанетъ быть мертвымъ. И тѣмъ не менѣе ихъ не изучаютъ надлежащимъ образомъ, изучаютъ болѣе или менѣе случайно и часто, начавъ изучать, бросаютъ.

Эти мысли невольно пришли мнѣ на умъ, когда я сталъ перечитывать книгу объ Энвери В. А. Жуковского, трудъ, послѣ котораго Валентинъ Алексѣевичъ далъ только нѣсколько небольшихъ статей, касающихся персидской литературы, уйдя всецѣло почти въ мистическую поэзію, интересовавшую его уже не съ литературной стороны. Молодой изслѣдователь персидской литературы имѣлъ немного предшественниковъ въ монографическомъ изученіи персидскихъ поэтовъ, все же несомнѣнно нѣкоторые изъ изслѣдо-

¹ E. G. Browne. «Some notes on the Poetry of the Persian Dialects». JRAS 1895. 773—825 (784).

² Въ высокой мѣрѣ характерно, что во Всеобщей исторіи литературы Корша и Кирпичникова совсѣмъ нѣтъ персидской литературы.

вателей оказали на Валентина Алексѣевича значительное вліяніе и опредѣлили самый характеръ его изслѣдованій. Естественно поставить себѣ сначала вопросъ, какъ посмотрѣлъ молодой ученый на свою задачу? Послѣ этого мы прослѣдимъ за тѣмъ, какъ онъ справился съ намѣченнымъ для работы планомъ. Мы сразу увидимъ, что Валентинъ Алексѣвичъ, какъ вѣрный ученикъ той школы, изъ которой вышелъ, не сталъ на точку зрѣнія историка литературы и критики художественнаго, его точку зрѣнія правильнѣе всего было бы назвать «филологической», въ болѣе узкомъ пониманіи этого слова, и потому намъ, прежде всего, вполнѣ естественно бросается въ глаза отсутствіе даже попытки характеристки Энвери какъ поэта, мы напрасно ищемъ въ книгѣ указаній на его манеру писать, на образы, которые воплощали его переживанія; мы ясно ощущаемъ необыкновенную лаконичность и неопредѣленность того, что можетъ быть сочтено за указанія критическаго отношенія автора къ поэтическимъ произведеніямъ Энвери, какъ таковымъ, въ этомъ отношеніи авторъ даетъ намъ только рядъ отдѣльных замѣтокъ. Говоря такъ, мы не дѣлаемъ индивидуальнаго упрека автору, ибо, обозрѣвая всю, увы, далеко не обширную, литературу по персидской поэзіи, мы во всѣхъ монографіяхъ встрѣтимся съ совершенно аналогичнымъ отношеніемъ къ персидскимъ поэтамъ: специалисты знакомятъ насъ съ біографіями, по большей части чисто внѣшнимъ образомъ, даютъ образцы произведеній, переводы или пересказы изданнаго, нѣсколько бѣглыхъ общихъ замѣчаній, обыкновенно изъ произведеній туземныхъ біографовъ или критиковъ, сообщаютъ иногда данныя о языкѣ поэта и его грамматическихъ особенностяхъ, часто еще останавливаются вкратцѣ на исторической обстановкѣ эпохи и тѣмъ считаютъ свою задачу исчерпанной.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Валентинъ Алексѣвичъ построилъ свою книгу совершенно такъ-же, какъ строили свои изслѣдованія и другіе специалисты по персидской литературѣ, русскіе и иностранные. Чѣмъ же объяснить себѣ столь непонятное съ перваго взгляда отношеніе къ поэтическимъ произведеніямъ Персін? Пересмотрѣвъ большую часть монографій по персидской литературѣ и немногочисленные сочиненія общаго характера, мы приходимъ къ заключенію, что основною причиною въ настоящемъ случаѣ является то «филологическое», въ узкомъ пониманіи слова, отношеніе, о которомъ мы уже говорили. Но этого одного объясненія мало, ибо оно прежде всего вызываетъ вопросъ, почему же сложилось именно такое отношеніе къ произведеніямъ персидской поэзіи? Здѣсь приходится коснуться того глубокаго, пока, по крайней мѣрѣ, непримиримаго, противорѣчія, которое чувствуется въ духовной жизни востока и запада и къ которому можно приложить слово Саади

مشرق و مغرب بهم نه پیوندند «востокъ и западъ не соединяются». Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ послужить превосходная монографія о Хакани тонкаго знатока востока и Персіи въ особенности, Ханыкова¹, монографія несомнѣнно тщательно изученная молодымъ В. А. Жуковскимъ и имѣвшая большое вліяніе какъ на него, такъ и на его предшественника и учителя К. Г. Залемана.

Ханыковъ счелъ необходимымъ въ краткихъ словахъ высказать свое общее пониманіе восточной и специально персидской поэзіи. Онъ считаетъ, что поэзія мусульманскаго востока настолько изучена, что можно уже окончательно о ней высказаться. И что же онъ говоритъ? «Сокровенныя сокровища новаго поэтическаго міра, которыя нѣкогда надѣялись въ ней найти, не существуютъ. Музы не отрелись вполнѣ отъ восточнаго генія, но онъ и не является ихъ любимцемъ. Дикій и свободный, онъ выросъ подобно растеніямъ странной формы, которыя иногда встрѣчаешь на выжженной почвѣ пустынь южной Азіи. . . . Много уродства и нѣсколько искръ красоть, вотъ по моему девизъ восточной поэзіи. . . . Воображеніе восточныхъ поэтовъ весьма дѣятельное, оно легко заселяется образами то изящными, то ужасными, но восточные поэты оставляютъ эти образы въ видѣ, такъ сказать, сновидѣнія или навожденія и какъ истые сновидцы мало заботятся о томъ, чтобы сообразовать ихъ съ самыми первобытными законами времени и пространства. . . . Отношенія восточнаго писателя къ дѣйствительному міру складываются мало естественнымъ и страннымъ образомъ. Онъ видитъ, конечно, вещи такими, какія онѣ суть, но описывая ихъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ поддѣлать настоящее, чтобы сообразоваться съ незыблемыми принципами устарѣлой теоріи, истинной цѣпи, наложенной на восточный геній»². Специально по поводу Хакани Ханыковъ добавляетъ, что достоинствами его, въ глазахъ его соотечественниковъ являются «большая энергичность выраженій, гармоничная звучность стиховъ, многообразіе въ игрѣ словъ, легкость сочетанія созвучныхъ слоговъ, странный ритмъ которыхъ ласкаетъ персидское ухо. Всѣ эти мнимыя совершенства пріобрѣтаются однако лишь за счетъ ясности стиля и изящества, а также и глубины мыслей. Смыслъ принесенъ въ жертву звуку и удобное слово замѣняетъ истинное выраженіе. Такимъ представляется намъ нашъ писатель съ точки зрѣнія современнаго вкуса. Но было бы несправедливымъ судить поэта

¹ N. de Khanikof, «Mémoire sur Khâcâni, poète persan du XIIe siècle». Paris 1865 (Extr. du JA 1864—1865).

² Khanikof, l. c. pp. 65—66.

исключительно съ этой европейской точки зрѣнія, которая совершенно чужда той средѣ, гдѣ онъ жилъ».

Если такъ чувствовалъ человѣкъ, столь хорошо и долго знавшій востокъ, какъ Ханыковъ, то становится вполне понятнымъ, почему его взглядъ на персидскую поэзію раздѣлялся его преемниками и современниками. Онъ отражаетъ собою тотъ періодъ въ востоковѣдѣніи, который въ разныхъ областяхъ его относится не къ одному времени, но который переживался всѣми: послѣ почти фантастическаго увлеченія востокомъ, когда восторгались каждымъ, даже ничтожнымъ, произведеніемъ, когда въ немъ искали неизмѣнно необыкновенныхъ глубинъ, наступила реакція—европеецъ, быстро сознавшій свое матеріальное и политическое превосходство надъ Востокомъ, считъ, что превосходство это распространяется и на область духа. Успѣхи сравнительнаго изученія языковъ, литературъ, права и т. д. и особенно изученія явленій въ ихъ исторической послѣдовательности, которыя явились исключительнымъ достояніемъ европейской науки, закрыли европейцу на время глаза на его недостатки и на сложность и глубину того міра Востока, къ которому онъ подходилъ теперь, полной самоувѣренности и увѣренности въ своемъ превосходствѣ: онъ теряетъ способность понять, что Востокъ не есть просто второразрядный западъ, что рядомъ съ тѣмъ, что вполне естественно является общимъ у Востока и Запада, у этого Востока есть свое, глубокое и прекрасное, не легко однако доступное одностороннему во многомъ западному уму и чувству.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ востоковѣдѣнія прозрѣніе уже наступило вполне, но по отношенію къ персидской литературѣ мы и теперь — черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Валентина Алексѣевича — все еще стоимъ на той же точкѣ зрѣнія и работаемъ тѣми же методами. Я сознательно при этомъ исключаю обширную литературу, создавшуюся вокругъ Омара Хайяма, поэта и мистика, потому что она имѣетъ мало общаго съ наукою и входитъ въ область эстетизированія, игры въ художественную критику и не основывается почти никогда ни на знанія Персін, ни на желаніи ее понять и почувствовать. Изъ всѣхъ книгъ и статей о персидской литературѣ я могъ бы указать только на одну газетную статью полуконспиративнаго характера, статью ученаго даже мало самостоятельно начитаннаго въ персидской литературѣ, но зато большаго и талантливаго ученаго, который вдохновенно проникъ въ святое святыхъ персидской поэзіи на первыхъ шагахъ ея развитія. Въ этой статьѣ много чисто европейскаго, даже специально французскаго, дѣланнаго и условнаго, и тѣмъ не менѣе въ ней слово персидскихъ поэтовъ живетъ настоящею жизнью: Джамсъ

Дармстеттеръ¹ забылъ на время, что онъ филологъ и лингвистъ, не строилъ теорій о томъ, чѣмъ должна намъ представляться персидская поэзія, а просто послѣдовалъ за ея поэтами, подпавъ ихъ очарованію, и сдѣлалъ тѣмъ первый шагъ къ ихъ истинному пониманію: онъ сдѣлалъ именно то, чего не смогъ сдѣлать Ханыковъ, подошедшій къ Хакани какъ филологъ, съ вполне сложившимся представленіемъ о второстепенности, если можно такъ выразиться, персидской поэзіи въ сравненіи съ поэзіей запада. Правда у Ханыкова есть въ его характеристикѣ этой поэзіи одинъ намекъ, который позволяетъ думать, что чувствомъ Ханыковъ ощущалъ ту сущность восточной поэзіи, которую не воспринималъ его умъ, онъ говоритъ: «восточные поэты оставляютъ эти образы въ видѣ такъ сказать сновидѣнія или навожденія» — я понимаю эти слова, какъ смутное сознаніе той сущности восточной, а значить и персидской поэзіи, которая говоритъ намеками и образами, ибо читающій и воспринимающій долженъ, по мнѣнію востока, самостоятельно, творчески итти на встрѣчу пишущему и дающему. Но это смутное чувство сущности восточной поэзіи не было ни развито самимъ Ханыковымъ, ни воспринято его преемниками, мысли которыхъ повторяютъ указанный нами взглядъ Ханыкова на персидскихъ поэтовъ.

Такова была почва, на которой зародился Энверъ Жуковского. Почему его вниманіе остановилъ на себѣ именно Энверъ? Нѣкоторой внѣшней причиной служило, вѣроятно, то обстоятельство, что петербургскія бібліотеки могли доставить въ этомъ отношеніи богатый рукописный матеріалъ. Но главной причиной было, несомнѣнно, то влеченіе къ философствующему элементу въ поэзіи, вылившееся потомъ въ увлеченіе мистическою поэзіей, которое было характерною чертою Валентина Алексѣевича. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ Энверу: «Желая со своей стороны внести посильную лепту въ сокровищницу изученія персидскихъ поэтовъ, я остановился на крупной поэтической единицѣ VI в. X. — Энверъ, о которомъ до сихъ поръ въ Европѣ знали весьма мало, при чемъ и это малое было до крайности односторонне: за нимъ была утверждена слава только панегириста

¹ J. Darmestetter. «Les origines de la poésie persane». Paris 1887. (BOE LIII). Къ этой статьѣ можно было бы отчасти добавить интересную вторую часть книги Кристенсена объ Омарѣ Хайямъ: «Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar Haquām». Heidelberg 1905. Въ этой второй части «Caractère national et vie littéraire» (pp. 38—89) есть рядъ интересныхъ замѣчаній о персидскихъ поэтахъ, главнымъ, впрочемъ, образомъ съ точки зрѣнія религіозно-философской. Отдѣльныя характеристики можно найти и въ E. G. Browne «Literary history of Persia», и все же это не даетъ намъ истиннаго и болѣе глубокаго представленія о любопытѣйшей, съ точки зрѣнія изученія поэтическаго творчества человѣка, персидской поэзіи.

и отчасти диничнаго сатирика; такой приговоръ повторился при всякомъ удобномъ случаѣ, и идти далѣе сего никто не думалъ. Между тѣмъ ближайшее знакомство съ Энвери показало, что тога панегириковъ, въ которую онъ драпировался, правда, очень яркая и пышная, далеко еще не представляетъ такого интереса, какъ ея своеобразная философско-моралистическая подкладка». Прослѣдивъ какъ Энвери охладѣлъ къ панегирикамъ, составлявшимъ и суть его поэтическаго творчества и средство пропитанія въ теченіе долгаго времени, Жуковскій указываетъ, что «принципіально Энвери всегда оставался самимъ собой, т. е. мудрецомъ, выше всего ставившимъ «высокій помыселъ», философію, которая одна даетъ возможность достовѣрнѣйшимъ образомъ видѣть истину («отличать драгоценный камень отъ простого стекла»), есть источникъ высшаго наслажденія и залогъ покоя внутренняго міра, — вотъ почему его любимой книгой было сочиненіе Абу-Али Ибнъ Сины (Авиценны) «Исцѣленіе по философіи».

По вопросу объ отношеніи Энвери къ суфизму Жуковскій дѣлаетъ какъ будто нѣсколько поспѣшное заключеніе изъ словъ поэта: «голубое рубище Суфн — для меня предпочтительнѣе тысячъ атласовъ», что Энвери былъ суфіемъ. Впрочемъ Валентинъ Алексѣевичъ самъ прибавляетъ: «Трудно опредѣлить, какую роль играла мистика въ общемъ ходѣ развитія міросозерцанія Энвери; можно думать, что вліяніе ея было не особенно широко и относилось къ частностямъ: мистцизму поэтъ никогда не давалъ значенія равнаго съ чистой философіей и различные догматы суфизма, вѣроятно, усваивалъ и воспринималъ трезво и осмысленно». Составивъ себѣ такимъ образомъ представленіе о томъ, что было духовною сущностью Энвери, Жуковскій на основаніи матеріала туземныхъ біографій и стиховъ самого поэта даетъ его краткую біографію, въ которой примѣняетъ широко принятый въ монографіяхъ о персидскихъ поэтахъ чрезвычайно цѣнный приѣмъ говорить словами подлинныхъ текстовъ, сообщая ихъ по-персидски и по-русски; благодаря этому накопляется большое число тщательно изданныхъ и переведенныхъ текстовъ, которые позволяютъ провѣрять всѣ утвержденія автора на основаніи ихъ первоисточниковъ. Особенное значеніе авторъ придаетъ самимъ стихотвореніямъ, указывая на преимущественно анекдотическій характеръ туземныхъ біографій, которыя къ тому же очень часто повторяютъ другъ друга. Вопросу о панегиризмѣ, столь важномъ для пониманія Энвери посвящено «Введеніе», очень живое и яркое. Любопытно отмѣтить, что Жуковскій здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ссылается на примѣры изъ русской литературы, при чемъ это все по преимуществу старые писатели: Ломоносовъ, Тредьяковскій, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Богдано-

вичъ, Мерзляковъ, чувствуется, что они, по мнѣнію автора, ближе всего подходятъ нѣкоторыми сторонами своими къ придворнымъ поэтамъ старой Персіи. Дѣйствительно, по отношенію къ панегиризму придворныхъ поэтовъ эти сравненія чрезвычайно удачны и мѣтки, не столь правильной представляется намъ ссылка на Мерзлякова, ибо ссылка Энвери на міровую гармонию имѣетъ иное значеніе, чѣмъ слова Мерзлякова о поэзіи, какъ «подражаніе въ гармоническомъ строѣ» природы. Какъ ни случайны эти замѣтки онѣ являются для насъ цѣннымъ доказательствомъ, что и «Филологическая школа», если такъ позволительно будетъ ее назвать, къ которой, вмѣстѣ съ Ханыковымъ и Залеманомъ у насъ и Этэ, Бахеромъ и другими на западѣ принадлежалъ Валентинъ Алексѣевичъ, не вполне могла отдѣлится себя отъ попытокъ «литературнаго» изслѣдованія и исканія параллельныхъ теченій на западѣ и востокѣ, припомнивъ разсужденія Ханыкова о сравненіи Хакани съ Пиндаромъ, сдѣланномъ Хаммеромъ, и его собственное сравненіе Хакани съ Викторомъ Гюго, когда онъ отмѣчаетъ глубокую скорбь, проникающую всю поэзію Хакани. Изъ отрывка отчета Валентина Алексѣевича о его персидской командировкѣ, который мы достали, видно, что Жуковский читалъ поэтовъ съ туземнымъ руководителемъ и такимъ образомъ расширилъ этимъ значительно свой «европейскій» кругозоръ; онъ читалъ Аттару и это было, повидимому, для него школой и при дальнѣйшихъ занятіяхъ мистическою поэзію.

Составленіе біографіи по довольно скуднымъ и въ значительной мѣрѣ анекдотическимъ даннымъ, единственнымъ надежною провѣркою которыхъ являлись лишь стихотворенія самого Энвери и отдѣльные указанія у другихъ поэтовъ, потребовало много работы и искусства, и молодой ученый, несомнѣнно, далъ твердую основу для этой біографіи; тщательно подобраны и отзывы персидскихъ поэтовъ и литераторовъ объ Энвери, при чемъ приводятся и подлинныя тексты; его книга поэтому справедливо является, по общему признанію, основною для Энвери, и потому нельзя не пожалѣть, что французскій авторъ, писавшій послѣ Жуковского о нашемъ поэтѣ, не зналъ работы Валентина Алексѣевича, что въ свое время было отмѣчено¹. Обиліе матеріала, впервые сообщеннаго Жуковскимъ, на основаніи тщательнаго и обширнаго изученія рукописей весьма велико и это обстоятельство обезпечило и обезпечиваетъ на долго за книгою Валентина Алексѣевича значительное научное значеніе². Если при этомъ знать, какого труда стоитъ установить

¹ M. Ferté. «Notice sur le poète persan Enveri, suivi d'un extrait de ses odes». JA 9. V. 235—268 (1895).

² Кроме указанной рецензіи К. Г. Залемана см. W. Pertsch въ I. OPII II. 10—18 и ссылки въ исторіяхъ литературы персовъ: Брунъ называетъ книгу объ Энвери «admirable work» и посвящаетъ ей 23 страницы въ своей исторіи литературы.

сколько-нибудь надежный текст поэтического произведения при рукописях среднего достоинства, то мы признаем, что диссертация молодого ученого свидетельствовала о хорошей подготовке, хорошей школе и умении разрешить поставленную себе автором задачу.

Необходимо сказать еще об одной стороне книги, о том историческом фоне, на котором выделяется личность поэта; в этом отношении Валентину Алексеевичу указывали на недостаточную разработанность его труда, на то, что он не исполнил сказанного им же самим в предисловии к книге: «изучение всякого поэта должно стоять в самой близкой связи с изучением явлений общественной и умственной жизни, для того чтобы достигнуть возможно большей полноты и правильности понимания и оценки его произведений и избежать исключительности и однообразности». С упреком, делавшимся Жуковскому я могу согласиться только весьма условно, прежде всего потому, что я лишь отчасти могу признать правильность только что приведенных его слов. Ведь в самом деле, разве они и предъявляемые на основании этих слов требования имеют под собою реальную почву? Ведь разве по отношению всех поэтов, которых мы знаем и относительно некоторых по крайней мере из которых мы полагаем, что изучили их, мы можем сказать, что действительно знаем общественную и умственную жизнь эпох, когда они писали? Конечно нет, и несомненно также, что мы знаем ряд превосходных трудов о разных поэтах, авторы которых и не думали задаваться целью изучить эпоху данного поэта. Возьмем специально положение Жуковского: разве он когда-нибудь написал бы свою книгу, если бы считал необходимым предварительно изучить то сложнейшее время, каким является на переднем Востоке VI век Хиджры, преддверие монгольского нашествия? Ведь никаких подготовительных работ для этого не было; что же мог бы сделать молодой начинающий ученый перед столь грандиозной задачей? Очевидно, ничего кроме очень скорого выяснения, что она ничего общего с биографией Энвери, и его характеристикой, не имеет, в той стадии развития науки, в которой работал Жуковский. Весьма вероятно, что через сто лет после Жуковского будет написана новая книга об Энвери, совершенно другая, будет она написана на другом фоне и в другой обстановке, и в ней, вероятно, и то только вероятно, а не наверное, сможет осуществиться указанное в предисловии Жуковского и что некоторые считали возможным требовать уже от него.

Никто не может отрицать громадного значения исторического метода и исторической точки зрения, они создали могущественную науку XIX века,

но я считаю, что не напрасно раздаются уже среди нас голоса, которые говорят, что за исторической перспективой мы иногда начинаем не видеть самую суть вещей, по которой мы невольно при нашем громадном объёмѣ начинаем только скользить, не углубляясь достаточно въ самую сущность. Недавно въ предисловіи къ изданію важнѣйшаго буддійскаго философскаго текста я прочиталъ критическое замѣчаніе по поводу увлекшихъ всю Европу открытій въ Китайскомъ Туркестанѣ съ ихъ громадными историко-культурными перспективами, открывшими намъ новыя міры, прочиталъ, удивился и даже негодовалъ. Но вдумавшись въ эти слова, я понялъ глубокое предостереженіе, которое въ нихъ лежало, и не могъ не вспомнить о томъ пагубномъ вліяніи, какое эти важнѣйшія открытія имѣли на судьбу индійской филологіи: заброшено изученіе отдѣльных дисциплинъ индійскаго знанія, безъ глубокаго и полнаго знанія которыхъ мы никогда не войдемъ сознательно въ величайшій міръ индійской культуры: мы набросились на изученіе сцены, обстановки, гдѣ передъ нами бродятъ пока только тѣни, а не живыя существа, мысли и чувства которыхъ мы могли бы понять.

Вѣдь когда къ книгѣ Жуковскаго предъявлялось требованіе исторической перспективы, историческаго фона, то забывали, что тогда самъ Энвери сталъ бы, очевидно, лишь блѣдною тѣнью, ибо изучить его съ достаточною глубиною Жуковский уже не успѣлъ-бы. Подводя итогъ сказанному, можно, мнѣ кажется, несомнѣнно признать, что изслѣдованіе Жуковскаго объ Энвери важный и цѣнный научный трудъ, имѣющій длительное научное значеніе, являющійся достойнымъ представителемъ опредѣленной научной школы, достоинства и недостатки которой онъ раздѣляетъ, трудъ имѣющій опредѣленное, видное мѣсто въ исторіи персидской литературы и вполне оцѣненный и у насъ и на западѣ.

Изъ другихъ его работъ чисто литературнымъ памятникамъ посвящена большая и цѣнная статья объ Омарѣ Хайямѣ, гдѣ Жуковский разбираетъ сложный и трудный вопросъ о «странствующихъ» четверостишіяхъ¹.

¹ «Омаръ Хайямъ и «странствующія» четверостишія». مظفر یم. Сборникъ статей учениковъ бар. В. Р. Розена. СПб. 1897, стр. 325—363. Ср. Denison Ross. Fresh light on 'Omar Khayyām JRAS 1898, pp. 350—366; ср. также интересный этюдъ A. Christensen. Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar خاویزم. Heidelberg 1905. (MGSLVO Heft 3); авторъ оспариваетъ выводы Жуковскаго, указывая, впрочемъ, что самъ Жуковский собственно отказался отъ выводовъ изъ своихъ любопытныхъ разысканій. Кристенсенъ, мнѣ кажется, не оцѣняетъ аргументаціи Жуковскаго, къ выводамъ котораго онъ, въ сущности, приходитъ и самъ: центръ аргументаціи Жуковскаго лежитъ въ указаніи, что наиболѣе правильно мы поймемъ Омара Хайяма, если послѣдствуемъ пониманію его самими персами, тому, какъ они понимали поэта въ теченіе вѣковъ. Жуковский здѣсь опять совершенно правильно останавливается на томъ зрѣніи

Статья эта чрезвычайно характерна для способа работы Жуковского: она ясно показывает как тщательно и долго он обдумывал каждый вопрос раньше, чем рѣшиться напечатать результаты своихъ изслѣдованій; это особенно слѣдуетъ имѣть въ виду при сужденіи о томъ, будто бы онъ не велъ научной работы, когда долго ничего не печаталъ: чѣмъ ближе мы всматриваемся въ труды Жуковского, тѣмъ яснѣе выявляется для насъ большая и тщательная ихъ подготовка и длительная проработка. Статья объ Омарѣ Хайямѣ появилась въ 1897 году, между тѣмъ задумана она въ 1884 г., за *тринадцать* лѣтъ до ея напечатанія; въ это время авторъ ея тщательно собиралъ «странствующія» четверостишія (I. с. 340). Собравшійся имъ матеріалъ, извлеченный изъ ряда авторовъ и изъ ряда *старыхъ* рукописей онъ, съ присущей ему требовательностью, пазываетъ все же «случайнымъ». Онъ пытается всетаки сдѣлать нѣкоторый, и весьма важный, выводъ, что такъ какъ большая часть странствующихъ четверостишій приходится на эпикурейство, скептицизмъ и пессимизмъ, то правильнѣе всего смотрѣть на Омара Хайяма, какъ на глубокаго мудреца, послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ; подтвержденіе этому онъ видитъ и въ новомъ біографическомъ матеріалѣ, имъ привлеченномъ, и въ томъ, что «прошли вѣка и народъ Персія и Индіи, можетъ быть, инстинктивно чувствуя неправоту былыхъ обвиненій, *издаютъ и читаютъ Хайяма въ сборникахъ оседа рядомъ съ Абу-Саидомъ, Абдаллахи-Ансариѣмъ и Антаромъ, т. е. суфіями-мистиками чистой воды*». Но, сдѣлавъ этотъ выводъ, онъ самъ предостерегаетъ противъ него: если добрая пятая часть стихотвореній Омара, странствуя подъ именемъ многихъ другихъ поэтовъ, вызываютъ сомнѣніе въ подлинности, то «вопросъ о таковой можетъ быть поставленъ противъ любого четверостишія Хайяма; при такомъ условіи исторически вѣрная характеристика его немислима». Выводъ ясенъ: нуженъ новый матеріалъ и другіе методы работы, чѣмъ тѣ, которыми мы пока можемъ пользоваться.

Здѣсь мы и думаемъ найти отчасти объясненіе тому, почему Жуковский не продолжилъ такъ хорошо имъ начатыя занятія надъ персидскою

новаго востоконѣднія, основывающагося на личномъ знаніи Востока и требующаго внимательнаго изученія *восточнаго* пониманія памятниконъ духовнаго творчества Востока. Сами персы настолько интересовались своею литературою и философіею и были настолько тонкими ихъ цѣнителями, что раньше чѣмъ устанавливать тѣ или другія наши, европейскія точки зрѣнія, мы хорошо сдѣлаемъ, если изучимъ персидскія. На эту, важнѣйшую сторону аргументаціи Жуковского Кристенсенъ почему-то не обратилъ вниманія. Для насъ здѣсь его книга особенно интересна тѣмъ, что подтверждаетъ лишній разъ, что на западѣ всегда знакомился съ работами Жуковского.

литературою¹: сознательный представитель исторической филологической школы XIX вѣка, онъ убѣдился въ полной невозможности, пользуясь методами этой школы, силами одного человѣка подготовить такой надежный историко-литературный матеріалъ по персидской литературѣ, который позволилъ бы ему создавать «исторически вѣрныя характеристики». Вѣдь то, что произошло при изслѣдованіи Омара Хайяма, когда поэтъ превратился въ загадочную тѣнь, когда передъ каждымъ его стихомъ сталъ вопросъ «да чей же это стихъ»? должно было произойти, въ меньшихъ только размѣрахъ, со многими персидскими поэтами, если не почти со всѣми. Если это такъ, то, очевидно, пока по крайней мѣрѣ, не было возможности удовлетворить ту «жажду исторической правды» (I. с. 313), которую несомнѣнно глубоко чувствовалъ Жуковский.

Интересъ къ народной словесности у Жуковского стоитъ въ несомнѣнной связи съ его интересомъ къ суфизму — онъ, несомнѣнно, искалъ пониманія души народа, даваша великихъ поэтовъ-мистиковъ, это особенно чувствуется въ его статьѣ о колыбельныхъ пѣсняхъ и въ его докладахъ о дервишахъ. Внѣшнимъ поводомъ было однако въ значительной мѣрѣ и собираніе матеріаловъ по языку.

Занятія народной словесностью были ему облегчены сотрудничествомъ постоянного его спутника, его жены Варвары Александровны, которая помимо общей совмѣстной работы съ Валентиномъ Алексѣевичемъ взяла на себя спеціально изученіе женскаго быта², которымъ по культурнымъ условіямъ персидской жизни не могъ почти заниматься мужчина, и народную медицину, къ изслѣдованію которой ее приспособила спеціальная медицинская подготовка. Первая часть ея работъ вошла, какъ то указываетъ Жуковский, въ значительной мѣрѣ въ его труды³, а вторая, къ сожалѣнію, и по сѣ

¹ Чисто литературѣ посвящены лишь нѣсколько замѣтокъ: «Толкованіе притчи въ сатирѣ Фирдоуси». ЗВО II. 263—266. — «Легенда объ Иисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Атгара». ЗВО VII. 63—72. — «Соловей и Муравей». ЗВО XI. 304—307. — «Къ исторіи персидской литературы при Саманидахъ». ЗВО XII. 04—07. — Къ этому можно прибавить учебное литографированное изданіе четверостишія Омара Хайяма. — Некрологъ: «Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ (И'тимад-ал-салтанъ)». ЗВО X. 187—191; сообщеніе «О нѣкоторыхъ персидскихъ рукописяхъ изъ собранія Мингъ-Тюбинскаго шана». ЗВО XIV. iv; сообщеніе «Позднѣйшія поступленія мусульманскихъ рукописей въ бібліотеку учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ». ЗВО XIX. vii.

² Часть своихъ наблюденій Варвара Александровна изложила въ интересной статьѣ: «Персидскій эндерунъ». ВЕ Октябръ 1886.

³ «Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни слѣбодныхъ, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія съ 10 рисунками и портретами». СПб. 1902 (Отзываетъ С. О. Ольденбургъ ОИРГО 1903, I. 045—048). В. В. Туркест. Вѣд. 1903, № 84.) «На правахъ рукописи» было издано дополненіе (три стихотворенія), которое не могло быть опубликовано тогда по соображеніямъ цензурнаго характера.

пору еще не увидѣла свѣта. Съ характерной для всей научной работы Жуковского чрезвычайно цѣнной особенностью и эта сторона его изученія Персіи дала намъ спеціальную законченную книгу, посвященную персидскому народному творчеству, и опять, какъ по отношенію къ его «Грамматикѣ» и «Матеріаламъ» по персидскимъ парѣчіямъ мы въ правѣ сказать, что «Образцы» являются крупнымъ научнымъ приобрѣтеніемъ, это первый болѣе значительный, по количеству и качеству матеріаловъ, сборникъ памятниковъ персидской народной словесности, существующій въ европейской литературѣ.

Пѣсни, составляющія главную часть сборника, географически относятся къ Тегерану, Исфагану, Ширазу и нѣкоторымъ деревнямъ между этими городами. Всѣ образцы даны въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, они снабжены объяснительными примѣчаніями и точнымъ указаніемъ мѣста и времени записи, при этомъ каждому отдѣлу, а иногда и отдѣльнымъ образцамъ предпосланы небольшие введенія. Книга снабжена русско-персидскимъ словаремъ словъ, не паходимыхъ въ существующихъ европейскихъ персидскихъ словаряхъ; къ ней приложено шесть таблицъ, изъ нихъ пять воспроизводятъ десять туземныхъ рисунковъ. Пѣсни даютъ богатѣйшій бытовой матеріалъ, который ждетъ еще своей обработки. До изданія своей книги Жуковский сдѣлалъ попытку такой обработки по отношенію къ колыбельнымъ пѣснямъ¹. Въ этой статьѣ тонкая параллель двухъ міросозерцаній, двухъ женскихъ душъ: вольной, равноправной бахтіярки и безправной персіянки. Чрезвычайно велика цѣнность подобныхъ обработокъ специалистомъ памятниковъ народного творчества и та возможность, какую онѣ даютъ заглянуть въ ту глубь народной души, которая существуетъ, но скрыта отъ насъ и неумѣніемъ этой души найти выраженія для своихъ завѣтныхъ думъ и страшной обособленностью этого «народного міра» отъ такъ называемой культурной жизни. Для всякаго, кто пытался собирать бытовые пѣсни извѣстно, съ какимъ трудомъ сопряжено такое собираніе. Въ Персіи это собираніе, повидимому, еще труднѣе, особенно благодаря тому, что персы въ общемъ относятся отрицательно къ попыткамъ иностранца ознакомиться съ ихъ народною словесностью, которой они какъ будто стыдятся. Жуковский говоритъ: «Всякую попытку проникнуть въ эту не любезную сердцу персовъ область они встрѣчаютъ недовѣріемъ и строгимъ приговоромъ: „пустѣйшія слова! не стоить!“» (стр. III).

¹ «Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи». ЖМНП Январь 1889.

Издѣлія Г. А. Н. 1918.

Кромѣ пѣсень бытовыхъ, лирическихъ и злободневныхъ, Валентинъ Алексѣвичъ помѣстилъ въ свой сборникъ загадки и прибаутки. Онъ не помѣстилъ пословицъ, повидимому, считая ихъ не чисто народными памятниками словесности, въ виду того, что ихъ собираютъ въ сборники сами персы, какъ бы отдѣляя ихъ отъ народной словесности, о которой они отзываются очень пренебрежительно¹. Тексты у Жуковского снабжены переводами и примѣчаніями, на послѣднія авторъ нѣсколько покусился, потому ли, что ему многое намъ непонятное казалось вполне понятнымъ или за невозможностью получить объясненіе отъ непонимавшихъ передатчиковъ: Валентинъ Алексѣвичъ указываетъ, что лица, пѣвшія пѣсни, часто не понимали сами многого изъ того, что пѣли.

Кое-что изъ образцовъ попало и въ «Матеріалы», отдѣльное послужило предметомъ для небольшихъ замѣтокъ². Въ бумагахъ Валентина Алексѣвича сохранился еще нѣкоторый матеріалъ по народной словесности³.

Валентинъ Алексѣвичъ со времени своего пребыванія въ Персіи сдѣлалъ за той полународной литературой, которую мы привыкли называть лубочной и сумѣлъ извлечь изъ нея много цѣннаго и любопытнаго; онъ къ этому былъ особенно хорошо подготовленъ, такъ какъ и лично собиралъ памятники народной словесности, находившіе себѣ отраженіе и въ лубочной литературѣ, а кромѣ того интересовался и текущими вопросами. Къ этой части его работъ мы относимъ цѣлый рядъ статей и докладовъ⁴; изъ нихъ

¹ Ср. В. Гордлевскій. «Персидскія пословицы». ДВ IV. 1—50 (1913); здѣсь указана и литература предмета.

² «Образчикъ персидскаго юмора». ЗВО I. 316—318. — «Докладъ относительно образцовъ персидскаго базарнаго стихотворства на современные темы» (не напечатанъ). ЗВО VIII. iv.

³ Послѣ трудовъ Жуковского появились еще двѣ русскихъ работы питомцевъ факультета Восточныхъ языковъ: В. А. Ивановъ, «Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи». ЗВО XXIII. 33—59 (съ библиографической справкой К. Залемана), 59—60). (Ср. рец. С. Ольденбурга ЖС XXV. 42—43 и А. А. Ромаскевичъ. «Персидскія народныя четверостишія». ЗВО XXIII. 313—347). Въ матеріалахъ, привезенныхъ обоими молодыми учеными изъ Персіи еще много неизданнаго изъ области персидской народной словесности. Списокъ матеріаловъ В. А. Иванова напечатанъ въ ИРАН 1918.

⁴ «Мусулманство Рустема Дастановича». ЖС I. 4. 109—117 (1891). Персидскія версіи «Шемякина Суда». ЗВО V. 157—178 (1890). (Ср. В. Гордлевскій, «Персидскія пословицы». ДВ IV. 32—33 (1913)). «Юморъ персидско-индійскій». ЗВО V. 111—112. Докладъ «О персидской версіи фавла Constant du Hamel изъ персидской современной лубочной литературы» (не напечатанъ). ЗВО XII. iii. Докладъ. «О персидскомъ лубочномъ изданіи повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ». ЗВО XVII. xxxi—xxxii. Изъ этой же литературы онъ издалъ въ персидскомъ текстѣ «Сказки попугая, Споръ чаши съ камьяномъ», изд. 2-ое. СПб. 1901.

мы особенно отмѣтимъ три: о Шемякиномъ судѣ, о Constant du Hamel, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которые являются цѣннымъ вкладомъ изъ столь мало использованныхъ и мало извѣстныхъ персидскихъ источниковъ по литературѣ странствующихъ сказаній, гдѣ Персія представляетъ чрезвычайно важное соединительное звено между Индіей и арабами и западомъ вообще. Валентинъ Алексѣевичъ лично, повидимому, не особенно интересовался этой областью литературы, но считалъ своимъ долгомъ какъ специалистъ по Персіи внести и свою лепту въ эту любопытную область общечеловѣческаго творчества.

Большой трудъ, посвященный развалинамъ Мерва¹ въ главной своей части трудъ историческій, частью и археологическое разысканіе. Отзывы компетентныхъ специалистовъ В. В. Бартольда² и бар. В. Г. Тизенгаузена, ставятъ эту работу Жуковского очень высоко³. Это дѣйствительно первая попытка въ широкой, по возможности исчерпывающей мѣрѣ, использовать мусульманскіе источники для исторіи среднеазиатскаго города. Въ этой работѣ мы видимъ тѣ же чрезвычайно для Жуковского характерныя черты: съ самаго начала онъ ставитъ себѣ опредѣленные задачи въ предѣлахъ того, что считаетъ своею компетенціею, за эти предѣлы онъ не считаетъ возможнымъ итти: производить неподготовленнымъ разысканія ad hoc въ чужой ему области знанія онъ не считаетъ допустимымъ: «Такой [историческій] очеркъ, говорятъ онъ въ предисловіи, неодинаково полонъ во всѣхъ отдѣлахъ, отчасти благодаря неравномѣрно сохранившемуся и доступному мнѣ историческому матеріалу, отчасти — роду моихъ специальныхъ познаній и занятій. Древнѣйшія свѣдѣнія о Мервѣ изъ литературы классической, какъ сферы моей полной некомпетентности, и нѣкоторыя основанныя на нихъ предположенія всецѣло заимствованы мною изъ брошюры Guthe»... Несомнѣнно, что Валентинъ Алексѣевичъ вполнѣ

¹ «Древности Закаспійскаго края. Развалины стараго Мерва». МАР, № 16. СПб. 1894. Мы не остановимся подробнѣе на этой работѣ, которая тщательно разобрана барономъ В. Г. Тизенгаузенемъ.

² В. Бартольдъ. «Историко-географическій обзоръ Ирана». СПб. 1903, стр. 29: «Мерв и его оазисъ» — единственная пока мѣстность въ Средней Азій, о которой существуетъ подробное историко-географическое изслѣдованіе, именно капитальный трудъ проф. Жуковского «Развалины стараго Мерва». Ср. также рецензію А. Туманскаго: ЗВО IX. 300—303. Особенно важна цѣнными заключеніями и дополненіями статьи В. В. Бартольда. «Къ исторіи Мерва». ЗВО XIX. 115—138 и 0218—0219.

³ «Отзывъ почетнаго члена барона В. Г. Тизенгаузена» и т. д. ЗВО XI. 327—333. Рецензентъ, говоря о подготовительныхъ изслѣдованіяхъ къ систематическимъ раскопкамъ, указываетъ, что эта задача «по отношенію къ Старому Мерву и его развалинамъ выполнена проф. Жуковскимъ блистательнымъ образомъ».

могъ бы, если бы того пожелалъ, самостоятельно провѣрить, а вѣроятно и дополнить работу Гуте, классическіе источники были ему, конечно, доступны непосредственно, также какъ и древне- и среднеперсидскіе источники въ европейскихъ по крайней мѣрѣ переводахъ, но онъ вполнѣ сознательно подчеркиваетъ, что это не только внѣ его спеціальныхъ познаній, но и внѣ его спеціальныхъ *занятій*. Можно, конечно, не соглашаться съ такимъ основнымъ взглядомъ ученаго на границы его научнаго самоопредѣленія, которыя постоянно приходится все же раздвигать по ходу работы, но нельзя не признать, что именно у насъ въ Россіи точка зрѣнія Жуковскаго имѣетъ чрезвычайно многое за собой: русскіе ученые, дѣйствительно, страдаютъ отъ чрезвычайъ широкой постановки своихъ работъ, которая слишкомъ часто приводитъ къ тому, что или ученый умираетъ, оставляя великолѣпный, но незаконченный фундаментъ, на которомъ другіе не могутъ строить или просто распыляетъ свою ученую дѣятельность такъ, что потомъ и самъ ничего цѣльнаго и большого собрать не можетъ. Внимательно вчитываясь въ работы Валентина Алексѣевича и дополняя впечатлѣнія отъ этого чтенія, получаемаы личными воспоминаніями, убѣждаешься насколько глубоко продумано было у него самоограниченіе, которое онъ всегда оговаривалъ скромными фразами о своей некомпетентности въ томъ или другомъ вопросѣ.

Когда теперь сопоставляешь эти данныя изъ всѣхъ его работъ, то видишь ясно, какъ онъ рѣшительно хотѣлъ избѣгнуть того разбрасыванія, которое столь характерно для русскихъ людей; этотъ русскій изъ русскихъ былъ, какъ намъ приходится не разъ отмѣчать, гораздо ближе многими своими чертами какъ ученый, къ западнымъ своимъ товарищамъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ и старыхъ русскихъ востоковѣдовъ, которые были, несомнѣнно, «западнѣе» своихъ преемниковъ послѣдняго времени.

Большой историческій трудъ о Мервѣ стоитъ одиноко въ работѣ Валентина Алексѣевича, развѣ что къ нему можно присоединить нѣкоторыя рецензіи историческаго характера, статью «Могила Фирдоуси»¹ и нѣсколько докладовъ, которые, какъ и вообще многіе изъ его докладовъ, къ сожалѣнію, не были напечатаны².

¹ ЗВО VI. 308—314.

² «О рукописи Николая Семина, содержащей замѣтки о военныхъ событіяхъ 1827 г. въ Персіи». ЗВО IV. 1. — «О побѣдѣ въ Закаспійскую область для археологическихъ изысканій». ЗВО V. х. — «Объ Абу-Са'идѣ и его гробницѣ въ Мехнѣ, именуемой Мейна-Баба». ЗВО X. хх (въ указателѣ ошибочно хvi).

Статья о «Могила Фирдоуси», так интересна и содержательна, представляя гармоническое соединеніе «книжныхъ» знаній съ видѣннымъ и пережитымъ, что приходится чрезвычайно жалѣть о томъ, что другіе аналогичные доклады и статьи не были напечатаны В. А. Жуковскимъ. Валентинъ Алексѣевичъ въ этой статьѣ далъ волю и своему непосредственному чувству — мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, что вообще, повидному, великій пѣвецъ славнаго прошлаго Персіи былъ любимцемъ Жуковского, какъ и его учителей барона В. Р. Розена и К. Г. Залемана, напомнимъ напр. его слова о «чудеснѣйшей и грозной сатирѣ Фирдоуси на Махмуда Газневидскаго» — статья начинается съ удивительно глубокаго и тонкаго сравненія между мѣстной святыней, которую тщательно оберегаютъ отъ чужого взора, хотя онъ къ ней стремится развѣ изъ любопытства, и открытомъ для всѣхъ, заброшенномъ мѣстѣ погребенія великаго поэта, куда могли бы стекаться чужіе прекрасное со всѣхъ концовъ міра: «Недоступна иновѣрцу скрытая за цѣпями шітская святыня Мешхеда — богатая, златоверхая гробница имама Риза, къ которой стекаются тысячи разноплеменныхъ паломниковъ, несущихъ посильную лепту на ея благолѣпіе; зато доступна по сосѣдству съ Мешхедомъ находящаяся святыня литературная, ничѣмъ нынѣ неотмѣченная — ни гордымъ мавзолеемъ, ни скромною плитою — никѣмъ не посѣщаемая могила Фирдоуси, великаго и славнаго пѣвца персидской земли».

Картина «запустѣнія, гряда мусора, проросшаго колючкой, битаго кирпича и вмѣсто сознательнаго человѣка безсознательное животное — искалѣченная лошадь, мулъ, баранъ, осель. Достойное великаго поэта общество, достойная его память!» Такое забвеніе и такая безотрадность въ сосѣдствѣ Мешхеда отчасти понятны: здѣсь «арзи-акдаъ» — святѣйшая земля; и вотъ съ этою то мыслью и носятся постоянные и пришлые жители города, полагая, что этими двумя словами исчерпывается вся ихъ жизненная задача: «поклоняйся усердно порогу имама Риза и оставь всякія другія помышленія».

Святыня Мешхеда и могила Фирдоуси въ значительной мѣрѣ символичны для современной Персіи, и слова Жуковского являются краснорѣчивымъ комментариемъ къ тому, что съ ней произошло: какъ и въ Испаніи, религія, превратившаяся въ фанатическое суевѣріе, въ широкой мѣрѣ содѣйствовала въ Персіи упадку страны.

Пребываніе въ Персіи создало Жуковскому рядъ знакомствъ съ мѣстными дѣятелями и внушило ему интересъ къ современной дѣйствительности страны, которую онъ изучалъ. Этому интересу мы обязаны нѣко-

торыми докладами, всегда содержательными и интересными; но политические вопросы лежали въ общемъ въ сторонѣ отъ научныхъ интересовъ Жуковского и онъ не попытался даже сдѣлать какой-нибудь сводъ своихъ богатымъ наблюденіямъ, которыми дѣлился изрѣдка при разговорахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ по аналогіи съ другими его работами можно было ожидать, что и здѣсь Жуковский далъ бы намъ много совершенно новаго и болѣе объективнаго, чѣмъ дали Лордъ Керзонъ и особенно Э. Г. Броунъ, который такъ увлекся политическими симпатіями и антипатіями, что потерялъ необходимое научное безпристрастіе. Этотъ высокопочтенный, талантливый и знающій специалистъ, къ сожалѣнію, въ рядѣ работъ своихъ сдѣлался полемическимъ публицистомъ, когда касался современной Персіи. Этого никогда не могло бы произойти съ Жуковскимъ, который и къ событіямъ текущаго дня въ своихъ работахъ всегда подходилъ *sine ira*: у него былъ, конечно, свой взглядъ на Персію нашихъ дней и на ея политику, но онъ тщательно отдѣлялъ эти свои личныя симпатіи, антипатіи и предположенія отъ того, что старался установить какъ ученый: о многомъ, слишкомъ злободневномъ, о чемъ онъ дѣлалъ доклады или говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ онъ не хотѣлъ ничего печатать, считая, что для этого еще не настало время, что все это должно еще «вылежаться»¹.

Какъ разносторонній изслѣдователь Персіи Валентинъ Алексѣевичъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ того изученія бабизма, которое увлекало его учителя барона В. Р. Розена и дало кромѣ работъ самого Виктора Романовича и А. Г. Туманскаго нѣсколько статей другихъ русскихъ авторовъ и поиски нашими дипломатами бабидскихъ рукописей и свѣдѣній о бабидяхъ. Но Валентинъ Алексѣевичъ не увлекся бабизмомъ: тотъ необыкновенно, если такъ можно выразиться, трезвый характеръ, который приобрѣла эта религія, особенно въ бехаизмѣ, съ его государственными и чисто житейскими устремленіями, не могъ имѣть притягательной силы для изслѣдователя мистицизма. Жуковский ограничился нѣсколькими статьями, имѣвшими значеніе спеціально для исторіи бабизма².

Кромѣ бабизма Жуковский занялся въ Персіи и народными вѣрова-

¹ Сообщеніе: «Послѣдніе дни Шаха Насир-ад-дина», ЗВО XIV. vii. Докладъ: «Черты современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ», ЗВО XVI. xvi.

² «Недавнія казни бабидовъ въ г. Ездѣ», ЗВО VI. 321—327 и «Разъясненіе къ этой замѣткѣ», ЗВО VII. 327. — «Россійскій Императорскій Консулъ Ѳ. А. Бакулъ и въ исторіи изученія бабизма», ЗВО XXIV. 33—90. Въ высшей степени содержательная статья, изобилующая фактами и документами и спасающая отъ забвенія научную работу русскихъ людей.

ними. На первых же порах своего пребывания на Востоке онъ столкнулся съ сектою «Людей Истины»¹, о которой до него говорилъ Гобино и которой касался и Петерманъ; теперь мы имѣемъ о ней значительно болѣе полныя свѣдѣнія въ работѣ русскаго ученаго². Докладъ Жуковскаго «Бесѣды съ дервишами современной Персіи»³, посвященный двумъ орденамъ Ниметаллахи и Джедлали, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, не былъ напечатанъ, можетъ быть В. А. Жуковскій хотѣлъ дожидаться тѣхъ новыхъ матеріаловъ относительно возможныхъ индійскихъ вліяній на дервишество, о которыхъ онъ упоминаетъ.

Для полноты характеристики научнаго облика В. А. Жуковскаго необходимо сказать о немъ какъ о рецензентѣ чужихъ работъ. Ни въ какой научной работѣ такъ не сказывается характеръ ученаго, какъ въ его разборахъ работъ другихъ ученыхъ. Рецензіи въ общемъ можно раздѣлять на три типа: первый—чисто фактическій, когда рецензентъ останавливается и на положительныхъ и на отрицательныхъ сторонахъ работы и не прибѣгаетъ къ болѣе широкимъ выводамъ, считая, что это уже выходитъ за предѣлы его задачи, второй—преимущественно критическій, съ указаніями главнымъ образомъ отрицательныхъ сторонъ работы, этотъ типъ рецензіи видитъ свою задачу въ исправленіи главнымъ образомъ ошибокъ, и наконецъ третій, ставящій себѣ основною задачею выяснитъ положительные стороны труда, мѣсто, которое онъ долженъ занять въ литературѣ предмета.

Рецензіи Валентина Алексѣевича, весьма не многочисленныя, принадлежатъ преимущественно первому типу: рецензентъ оставался вѣренъ себѣ, всякія отвлеченія въ сторону, расширенія основы задачи казались ему не желательными и излишними, здѣсь особенно сказывалась та его черта, которая этого глубоко русскаго человѣка приближала къ французамъ, къ тому, что такъ усиленно въ наукѣ рекомендуютъ французы: *il faut toujours être sobre*.

Типичными образцами рецензій В. А. Жуковскаго я считалъ бы въ

¹ «Секта «Людей Истины» — Ahli hakk — въ Персіи». ЗВО II. 1—24 (о сообщеніи — ib. II. — Жуковскій называлъ сектантовъ «Мужи Истины»). — «Фаліи (فالی) — названіе современныхъ персидскихъ сектантовъ». ЗВО III. 110—121.

² В. Минорскій. «Люди истины» или Али-илахи. Ч. I. Москва 1911. Статьи III. Али-Аллахи или Алаахи (тайная религіозная секта въ Персіи). Кавказъ 1876, № 27, 29, 30 мы не видѣли. Ср. также Ф. Султановъ. Нѣкоторые свѣдѣнія о сектѣ «Али-Аллахи». СМОМНИКЪ XVII. 2. 219—222 (1893).

³ ЗВО XII. XXXI—XXXIV. Ср. также — «О положеніи Гесбонгъ въ Персіи». ЖМНП 1885. ч. 237. 77—94.

высшей степени содержательные разборы работъ Хорна: «Denkwürdigkeiten Schâh Tahmâsp's des ersten von Persien» и Вармунда: «Neupersische Schauspiele»¹. Это въ своемъ родѣ образцовыя рецензіи, на которыя рецензентомъ было затрачено много работы и въ которыя внесены совершенно новыя научный матеріалъ.

Пытаясь дать характеристику В. А. Жуковского и его научной работы, мы до сихъ поръ не касались той ея части, которая несомнѣнно была ему ближе всего, дороже всего, мы говоримъ о его трудахъ по суфизму, занимающему столь исключительное мѣсто въ персидской поэзіи, и отдѣлили сознательно эту часть нашей характеристики Жуковского, какъ ученаго, отъ всего остального, ибо здѣсь мы видимъ какъ бы совершенно другого человѣка и другое отношеніе къ работѣ и къ объекту изслѣдованія; мы здѣсь еще разъ убѣждаемся въ томъ, какъ часто человѣкъ, при первомъ взглядѣ кажущійся простымъ и яснымъ, въ сущности сложный и многогранный: этотъ столь уравновѣшенный, столь, казалось, разсудочный человѣкъ былъ увлеченъ мистическою поэзіею; это увлеченіе такъ глубоко, что когда всматриваешься въ обликъ человѣка и ученаго, чувствуешь, что оно было въ немъ искони, что здѣсь-то и было то настоящее внутреннее его я, которое скрывалось почти всегда отъ сторонняго глаза. Испытываешь особое чувство, подходя къ этой сторонѣ его жизненной работы, кажется, точно нескромною рукою поднимаешь завѣсу души, которая была тщательно задернута. Но Валентинъ Алексѣевичъ издалъ все же рядъ трудовъ по суфизму и потому мы считаемъ себя въ правѣ сказать о нихъ въ мѣрѣ нашего пониманія.

Хотя Жуковскій говорить, что недостатокъ общеполитической подготовки мѣшаетъ ему войти въ святое святыхъ суфизма, онъ все же всегда стремился къ нему, къ его учителямъ, проповѣдывавшимъ «что Истина для Истины— есть смыслъ всего мірозданія»: тотъ въ ихъ представленіи человѣкъ, кто не убоился познанія, ибо «Мы предлагали его, говорить Коранъ, небесамъ и землѣ и горамъ и они отказались спести его и убоились его, и взяли его человѣкъ».

Красота богоискательства, которое составляетъ суть всякой мистики, имѣла всегда особое очарованіе для этого замкнутого, мало общительнаго человѣка и мы видимъ его постоянно возвращающимся къ произведеніямъ мистиковъ, вѣрнѣе никогда ихъ не покидающимъ, даже если онъ не готовилъ къ печати результатовъ этой работы, работы его души. Невольно слышнши,

¹ ЗВО VI. 377—383. — ЗВО V. 129—132.

когда думаешь объ этой сторонѣ его жизни и работы слова персидскаго мистика о небесной любви:

هر نفس اواز عشق میرسد از چپ و راست
 ما بفلك میرویم عزم نداشتا کراست
 ما بفلك بوده ایم یار ملک بوده ایم
 باز همانجا رویم خواجه که آن شهر ماست

«Каждое мгновеніе голосъ любви раздается справа и слѣва. На небо грядемъ, кому же охота до зрѣлищъ? Мы были на небѣ, други ангеловъ мы были. Туда же вернемся, о Учитель, ибо это градъ нашъ».

И какъ-то невольно связываешь и его всегдашнее молчаніе съ тѣми вдохновенными словами того же мистика, что произнесенное исчезаетъ, словами, которымъ отвѣчаетъ и знаменитое Тютчевское «мысль изреченная есть ложь».

Вопросъ о томъ, что такое въ сущности суфизмъ слишкомъ сложный, да я и не обладаю достаточными знаніями для того, чтобы говорить о немъ съ должной компетентностью. Самъ Валентинъ Алексѣевичъ подходилъ къ его изученію чрезвычайно осторожно и одинъ только разъ, въ университетской рѣчи, коснулся суфизма съ извѣстныхъ общихъ точекъ зрѣнія, при чемъ, чтобы вполне соблюсти научную осторожность даже озаглавилъ эту рѣчь «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ»; и, кромѣ того, указалъ, что всѣ болѣе сложные вопросы, касающіеся суфизма «приходится оставлять безъ отвѣта до той поры, когда изученіе суфизма будетъ поставлено на строго-научную историческую почву, когда въ основу сужденія о немъ и его пониманія будутъ положены съ должною оцѣнкою не однѣ поэтическія аллегоріи и стихи, надерганные не рѣдко безъ строгаго разбора пль авторовъ разныхъ эпохъ, но труды, въ извѣстной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе воззрѣнія суфіевъ, способъ пониманія ими вещей и ихъ собственную аргументацію: — такіе труды на арабскомъ и персидскомъ языкѣ есть и пока напрасно ждутъ цѣнителей, издателей и послѣдователей». Изъ этихъ словъ ясно, что Валентинъ Алексѣевичъ былъ убѣжденъ, что совершенно еще не настало время говорить о суфизмѣ вообще, что для этого необходимо прежде всего приготовить почву, издать рядъ старыхъ текстовъ. Онъ указываетъ при этомъ на особенную важность «Рисалетъ Кушейря (уже изданъ на Востокѣ), «Кенф-ал-Махджубъ» Джуллаби,

творенія Абу-Са'ида Мейхенейскаго и Абдаллаха Ансари Хератскаго; это уже не «однѣ поэтическія аллегоріи и стихшки», а дѣйствительные источники.

Какъ бы программу работъ по суфизму звучать вводныя слова одного изъ первыхъ изслѣдованій В. А. Жуковскаго по персидской мистикѣ: „Въ то золотое для персидской литературы время, когда Насири-Хосровъ († 481 г. Х.) въ Кундузѣ излагалъ въ «Книгѣ свѣта», «Книгѣ счастья» и др. свое міровоззрѣніе, плодъ долгихъ колебаній и странствованій по свѣту, когда Джуллаби († 456 или 464 г. Х.) въ Газнѣ разсуждалъ о суфизмѣ въ сочиненіи «Обнаруженіе того, что задернуто завѣсой», когда строгій подвижникъ Абу-Са'идъ б. Аби-л-Хейръ († 440 г. Х.) въ Мехнѣ облакалъ мистическіе порывы въ звучныя четверостишія, — въ Хератѣ, этомъ «садикѣ ансаріевъ» поучалъ и съ увлеченіемъ призывалъ людей къ Истинѣ «Хератскій старецъ», Абдаллахъ-Ансари“.

Въ отличіе отъ строгой соразмѣренности границъ работы съ временемъ и силами научнаго работника, которая составляла, какъ мы видѣли, отличительную черту В. А. Жуковскаго, какъ ученаго, въ разнообразныхъ сторонахъ его научной дѣятельности, по отношенію къ суфизму, мы видимъ поразительную широту постановки дѣла: невольно представляешь себѣ ученаго какъ бы стоящимъ на высокой горѣ, откуда во всѣ стороны очарованному глазу являются дивныя страны, которыя надо посѣтить и узнать, очарованіе такъ сильно, что оно удесят�еряетъ его силы и все представляется ему возможнымъ. И я убѣжденъ, что если бы жизнь Валентина Алексѣевича не оборвалась такъ внезапно, онъ осуществилъ бы большую часть того, что задумалъ, онъ заложилъ бы прочныя основы тому храму, о которомъ мечтало его сердце за нѣсколько еще мгновеній до того, какъ перестало биться.

Жуковскій еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ заявилъ, что его изданіе книги Джуллаби Кешф-ал-Махджубъ появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени¹; чтб его задержало, мы не знаемъ, но можемъ заявить, что текстъ давно отпечатанъ и будетъ выпущенъ въ свѣтъ.

Абу-Са'иду посвящены два изданія: «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго, Персидскій текстъ» (СПб. 1899) и «Тайны единенія съ

¹ См. ЗВО XVII. ххii — ххiii «Мистикъ Джуллаби (XI в.) и его сочиненія», и R. A. Nicholson. The Goal of Muhammadan Mysticism. JRAS 1913. 55—68, съ указаніями литературы. Пикольсонъ издалъ переводъ Кешф-ал-Махджубъ (Gibb Memorial series XVII. Leyden — London 1911).

Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты». (СПб. 1899)¹.

Абдаллахомъ Ансарі Жуковскій тоже занимался спеціально, какъ онъ самъ о томъ говорить въ посвященной ему работѣ: . . . «изученіе Ансарі составляетъ предметъ уже давнишнихъ моихъ посильныхъ занятій, и плоды его, подготовляемые мною къ печати, своевременно будутъ предложены вниманію и обсужденію ученыхъ оріенталистовъ»²; сперва жизнь, а потомъ и смерть не дали ему возможности кончить эту работу. Насир-Хосровомъ Валентинъ Алексѣевичъ много занимался, но издалъ только одну его «пѣснь»³, считая что поэтъ достаточно извѣстенъ по работамъ Шефера, Этэ и Фаньяна и потому надо работать надъ менѣе извѣстными. Рядомъ съ занятіями надъ крупнѣйшими величинами суфизма Жуковскій живо интересовался еще двумя писателями-мистиками: мало извѣстнымъ шпраскимъ отшельникомъ Баба-Кухи († въ Шпрасѣ въ 442 г. Х.), котораго онъ переводилъ еще въ день своей кончины и которому еще въ 1902 году посвятилъ докладъ⁴, и затѣмъ извѣстнымъ, но чрезвычайно загадочнымъ народнымъ поэтомъ Баба Тахиромъ Гольшемомъ, котораго изучали больше съ точки зрѣнія народной словесности и нарѣчій, на какомъ сохранились его произведенія. Жуковскій указываетъ⁵, что интересовался «не только языкомъ четверостишія Баба Тахира, но и ихъ содержаніемъ, въ виду прикосновенности творца ихъ къ персидскимъ мистикамъ».

Если прибавить къ этому всеу занятія Омаромъ Хайямомъ и многими другими поэтами мистиками, о которыхъ Жуковскій ничего не печаталъ, то мы поймемъ, какъ поразительно широкъ былъ горизонтъ его изслѣдованій по суфизму, такъ внезапно оборванныхъ.

Подводя итоги жизни и работъ изслѣдованія Персіи Валентина Алексѣевича Жуковского, видишь ясно все живое и настоящее, что онъ намъ оставилъ живымъ, и невольно вспоминаешь слова одного изъ тѣхъ удивительныхъ святыхъ, которыми такъ увлекался Валентинъ Алексѣевичъ. Это слова знаменитаго поэта и проповѣдника, столь увлеченнаго предан-

¹ E. G. Brown [J]RAS 1900. 351—354, Athenaeum May 26, 1900, p. 652. Ср. «Изъ исторіи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго I. «Разсужденія о черноокой». ЗВО XIII. 145—156. Не напечатаннымъ, къ сожалѣнію, осталось сообщеніе «Объ Абу-Са'идѣ и его гробницѣ въ Мехиѣ, именуемой Мейна-Баба». ЗВО X. хх.

² «Пѣсни Хератскаго Старца». Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 79—113.

³ «Пѣснь Насира-Хосрова». ЗВО IV. 386—389 (389).

⁴ «Изъ области персидской литературы». ЗВО XV. хvii.

⁵ «Кое-что о Баба-Тахирѣ Гольшеми». ЗВО XIII. 0104—0108 (1106).

ностью своему учителю, что онъ приписалъ ему свои стихи, слова Джегал-еддина Руми, приписанные Шемсу Тебризи:

هر نقش را که دیدی جنش زلامکانست
کر نقش رفت غم نیست اصلش چو جاودانست
هر صورتی که دیدی هر نکته که شنیدی
بددل مشو که رفت آن زیرا نه آن چنانست

«Каждый образъ, который ты видѣлъ, прообразъ его въ Божествѣ. Если образъ исчезъ, не печалься, ибо сущность его вѣчна: каждый образъ, который ты видѣлъ, каждое рѣченіе, которое ты слышалъ, не сѣтуй о нихъ, думая, что они ушли, ибо это не такъ».

Работая надъ попыткой дать обзоръ работъ В. А. Жуковского и надъ посильною характеристикою его какъ ученаго и человѣка, я надѣлся, что мнѣ удастся включить въ мой очеркъ и разсмотрѣніе оставшихся не напечатанными трудовъ Валентина Алексѣевича, но разборъ бумагъ покойнаго по многимъ причинамъ чрезвычайно затягивается и я вижу, что пришлось бы отложить печатаніе постояннаго очерка на слишкомъ долгое время, если разсчитывать на использование не напечатаннаго. Останавливаюсь поэтому на сдѣланномъ, надѣясь, что оно все же даетъ въ общемъ нѣкоторую характеристику Жуковского. Не знаю, насколько я сумѣлъ передать то, что вынесъ изъ своей работы надъ его трудами: мнѣ они представляются чрезвычайно цѣльными, законченными, и каждый разъ они большой шагъ впередъ въ изученіи цѣлаго ряда вопросовъ.

«Только потерявъ человѣка, люди научаются цѣнить его надлежащимъ образомъ». Какъ вѣрны эти слова: Валентинъ Алексѣевичъ ушелъ отъ насъ, и такъ ясна намъ теперь пустота, которая создается среди насъ его отсутствіемъ. Въ исторіи изученія Персія, которому онъ посвящалъ свою жизнь, его имя навсегда сохранить почетное и видное мѣсто, его работами еще долго будутъ пользоваться специалисты, по его книгамъ будутъ учиться его преемники.

Намъ, товарищамъ его и, волею печальной судьбы, его наслѣдникамъ по научной работѣ онъ завѣщалъ самое для него дорогое: неуклонное и неизмѣнное исполненіе долга; постараемся, принявъ этотъ завѣтъ дорогаго покойника донести его и до нашего смертнаго часа, какъ донесъ его Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій.
